

Настоящее собраніе, по характеру своему, какъ вы могли убѣдиться, представляетъ первую у насъ въ Харьковѣ попытку подойти къ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Л. Н. Толстого съ научной точки зрѣнія. Да и не могли, конечно, мы, дѣятели науки, выступать иначе—таковы уже наши навыки и привычки. Само собою разумѣется однако, что наши попытки носятъ самый первоначальный характеръ—это легкіе наброски: по крайней мѣрѣ, такъ смотрю я на свой безпритязательный этюдъ; это скорѣе постановка, чѣмъ рѣшеніе вопроса, но постановка, на мой взглядъ, законнаго, необходимаго вопроса.

Нельзя себѣ представить историческаго дѣятеля внѣ связи со средой, его окружающей, внѣ вліяній, такъ или иначе на него дѣйствовавшихъ. Отъ такихъ вліяній не свободны самыя выдающіеся умы, наиболѣе самостоятельные и оригинальные мыслители. При этомъ, конечно, всегда дѣйствуетъ и другое начало—вліяніе исторической личности на окружающую среду и чѣмъ выше, геніальнѣе личность, тѣмъ больше она можетъ дать обществу, взаменъ того, что получила отъ него.

Такимъ образомъ и Л. Н. Толстого, какъ философа, мыслителя и моралиста, мы должны поставить въ историческую обстановку, т. е. установить связь его личности и идей съ дѣятелями прошлаго. Здѣсь нѣтъ рѣчи, конечно, о механическихъ заимствованіяхъ: великій человѣкъ такъ самостоятельно перерабатываетъ чужое, даетъ ему такія оригинальныя формы выраженія, что оно является его собственнымъ, индивидуальнымъ. Но стоитъ обратить вниманіе хотя бы только на „Кругъ Чтенія“, составленный Л. Н. Толстымъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ высоко цѣнили онъ мысли другихъ философовъ, близкихъ ему по духу; это какъ бы его истинные друзья, къ которымъ онъ, какъ извѣстно, обращался и въ свои предсмертныя минуты. Это будутъ и древніе, и новые мыслители и писатели—Сократъ, Маркъ Аврелій, Конфуцій, Будда, Платонъ, Аристотель, Паскаль, Руссо, Спиноза, Лютеръ, Кантъ, Рескинъ и др. Одному изъ такихъ близкихъ по духу лицъ—чешскому крестьянину Петру Хельчицкому, жившему и писавшему въ первой половинѣ XV в.